

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ НИКОЛАЙ II МЕНЬШЕ ЛЮБИЛ СЕМЬЮ

Беседа с Глебом Панфиловым состоялась вскоре после премьеры его фильма «Романовы. Венценосная Семья».

СКН: Я уже слышал мнение, что образ царя Николая II в «Романовых» идеализирован. А сами вы видите отличия между тем, каким представлен царь в вашем фильме, и тем, каким он был в действительности?

Глеб Панфилов: Отличие уже в том, что один царь реален, а другой сыгран Александром Галибиным. И Галибин, конечно, отличается от царя по стати и по выправке. Чтобы иметь это сходство, нужно было с младых ногтей заниматься физической подготовкой. Но по внутренним, человеческим качествам они очень близки. Галибин светел и интеллигентен, это человек большой внутренней силы и выдержки, что и было причиной выбора и убеждения, что выбор сделан правильно.

СКН: Ваш царь почти идеален — приветлив, ровен в обращении, интеллигентен, но говорят, что реальный Николай был лицемерен — говорил одно, а делал совершенно другое.

Г.П.: Политик не может и не должен говорить все, что думает и что намерен делать. Но Николай в своих действиях было достаточно последователен, хотя и противоречив, как каждый человек. Если он делал шаги, которые противоречили его внутренним убеждениям, это была политическая необходимость, которую он лично переживал. Но это не было его непоследовательностью. Другое дело, что мой сюжет исключает эти сложнейшие политические моменты, поэтому царь выглядит упрощенно и как бы идеальнее. На то есть объективные причины — он в изоляции, он замкнут в кругу семьи. Мы не можем проследить всю его историю, начиная со вступления на престол и этой знаменитой речи...

СКН: Насчет «бессмысленных мечтаний» о конституции?

Г.П.: Да. Мы много чего не могли показать — революцию 1905г., войну 1914г., Распутина... Я не о том делал фильм. Тем более, что о революции 1905г. и о движении масс снято много. Другое дело — качество этих картин и их тенденциозность. Я следую методу, которому следовал с первого фильма — «В огне брода нет», где показывал гражданскую войну через историю Тани Теткиной, которая происходит в санитарном поезде. Это еще Габрилович с Райзманом начали. В художественном кино мы все-таки исследуем человека, а уже через него — время, атмосферу, эпоху, если получится. Довольно трудное дело, скажу вам, — иногда движение масс показать проще.

СКН: «Отраженный» показ вообще сложнее прямого...

Г.П.: А вот фильма о Семье в нашей стране не было и в мире не было. О Николае и Александре — снимали, а о Семье — нет. Пожалуй, этого коснулся Элем Климов в «Агонии» — там был царевич, но еще не Семья. И вообще, «Агония» — фильм о Распутине, касавшийся Семьи лишь постольку поскольку. А у меня — исключительно о Семье, причем в период изоляции, когда мир сузился до размеров самой Семьи. До повседневных, ежеминутных проблем — болезней, температуры, до десятых долей градуса. А все остальное уже в прошлом. Где-то — Россия, от которой он отрезан, и о которой узнает у начальника охраны Кобылинского, а тот случайно — у солдат, которые проговорились, что теперь у власти «их» правительство, что вместо Керенского — Ленин... Ужас! Для меня это очень красноречивый, вопиющий факт. Я, как зритель, думаю: «Ого! Я даже представить себе этого не могу!». А кто-то говорит: «Да что там нового? Все это мы давно знаем!». Неправда — не знаете, господа. И критики, которые за просто пишут, что режиссер-де запутался, а с ним и все зрители... Милые мои, это вы запутались, ну так и напишите, а не судите за других, это, по меньшей мере, самонадеянно. Я ведь читаю и делаю для себя выводы. Я давно ничего не предлагал вниманию

критики и вдруг вижу, что критика за это время стала другой. Появились незнакомые мне люди, которые так, походя, бросают слова...

СКН: То, что вы отказались от исторического фона, отражается на образе царя. В одной из последних сцен он говорит жене, что погубил страну, себя и семью, но мы не видим его пагубных действий...

Г.П.: Но я не считаю, что его слова требуют доказательств, это находится в кругу очевидных вещей. Для меня было принципиально упомянуть об этом, и только. Вы ведь помните, что телеграфист Авдеев спрашивает Николая: «Вы отдали приказ стрелять 9 января?» — «Нет. Но вину за случившееся беру на себя» — «А знае-

те ли вы, что в народе вас прозвали Николаем Кровавым?» — «Знаю». Вот это для меня было важно. И все.

СКН: А что вы знаете о «Кровавом воскресенье»?

Г.П.: Это была провокация. Да, народ шел без оружия, празднично одетый, но вел его Гапон, за которым стояли политики. «Народное» прошение, начинавшееся кроткими словами, заканчивалось ультимативом: если ты, Государь, этого не сделаешь, мы останемся здесь и отдадим свои жизни... Святополк-Мирский, министр внутренних дел, был ознакомлен с этим ультиматумом, думаю, был ознакомлен с ним и царь. Тем не менее, он должен был выйти к народу, кротко принять прошение, и люди бы разошлись. Вместо этого Николай уехал в Царское Село, а Святополк-Мирский отдал приказ стрелять. Это было грубой политической ошибкой, и это — кульминация вины царя. Не Ходынка, где он был виноват только в том, что на 15 минут заехал во французское посольство вместо того, чтобы объявить траур и отменить прием по случаю коронации. Но он был молод, а рядом не было никого, кто мог подсказать ему, как поступить...

СКН: Отречение тоже было ошибкой?

Г.П.: Да, но на этот раз ее жертвой пал он сам. Конечно, в России сменился строй, но, в конце концов, Россия живет, как хочет. Ошибка в том, что он решил вернуться в Царское Село, — решил не как Государь, а как человек, соскучившийся по семье. Государю же следовало остаться при армии, которая была за него, пока он был с ней. И отречение было интеллигентским, но не государственным шагом. Это был шаг человека, который не имел сил разорвать узел под названием «Февральская революция». Требовалась кровь, а пойти на это он не мог. 9 января его слабость привела к кровопролитию, а здесь желание не проливать кровь привело к огромным жертвам потом. Когда этот джинн выпрыгнул из бутылки, загнать его бескровным способом обратно уже было нельзя. В этот момент нужны были решительные и жесткие меры, к которым он был неспособен. Поэтому Петр, который в порыве праведного гнева сам рубил головы стрельцам, назван Великим, а кроткий Николай — Кровавым. А Освободитель Александр Второй, который дал свободу крестьянам, приложив к этому огромные личные усилия, который готов был дать стране конституцию и готовил указ о привлечении земства к выработке законов, то есть фактически создавал Думу, был убит...

СКН: Фильм начинается с надписи, где говорится, что страна была спокойна, а бунтовала лишь столица. Вы думаете, что если бы удалось погасить мятеж в Петербурге, революции не случилось бы?

Г.П.: Безусловно, если бы царь остался в Ставке и не вернул посланный на усмирение бунтовщиков корпус генерала Иванова. Все дело в том, что Николай был не готов к такому повороту событий и не подавил мятеж, а победивший мятеж, как вы знаете, называется иначе. А когда его стали убеждать отречься, что ему надо было сделать? Немедленно расстрелять Русского, Данилова, Савича. Снять всех генералов, подписавших обращение! Подавить восстание, а всех его участников отправить на фронт!

СКН: По-моему, вы вошли в роль. Будь вы императором...

Г.П.: (Смеется). Нет, я для этого не гоюсь. Все дело в том, что режиссер, тем более автор сценария, перевоплощается в своих персонажей. А как иначе? Представьте себе, я придумал сюжет для фильма. Что было бы, если бы Николай поступил так, как должен был поступить в этой ситуации император? История России повернулась бы иначе — да что России? — история мира! Сюжет, на мой взгляд, довольно эффектный и, насколько мне известно, в кино крайне редкий. У Аксенова был «Остров Крым», но это в литературе...

СКН: Эйдельман где-то описал, как развивалась бы история, если бы победило декабристское восстание. А в кино и я не помню прецедента. Между тем ход действительно любопытный. История как поезд — иногда попадают узлы, где путь ветвится. Как на ваш взгляд, много ли таких точек ветвления у российской истории?

Г.П.: Несколько. То же убийство Александра II. Если бы он послушался кучера и помчался во дворец вместо того, чтобы вернуться к жертвам первого взрыва, мы жили бы в другой стране. Ему достаточно было сделать шаг в другую сторону, и все. Что ему стоило испугаться? Вот у Ленина инстинкт самосохранения был куда сильнее. Как он дунул через палисадник, заведя приехавших его брать казаков! Судьба его хранила для главного дела. И тут уже возникают мысли о другом. О судьбе, о роке. Я отвлекаюсь от вашего вопроса и думаю — а зачем все это было надо? Почему именно так, а не иначе складывается жизнь человека, страны, мира? Где это все решается?

СКН: У вас есть ответ?

Г.П.: У меня есть только вопрос. Но я верю в то, что рано или поздно ответ нам откроется.

СКН: Есть классический ответ Чаадаева, что мы созданы для того, чтобы дать миру какой-то страшный урок...

Г.П.: Да... И Гитлер был нужен, чтобы сказать человечеству: сюда нельзя!

СКН: Но вы убеждены в том, что история имеет высший смысл?

Г.П.: Убежден, что промысел Божий существует. Мы его не понимаем, но предчувствуем и видим, что это — Он.

СКН: А промысел фильма? Мне показалось, что в «Романовых» есть «воспитательный» акцент, напоминающий нам, сегодняшним, о ценности семьи, благородстве души, аристократизме поведения...

Г.П.: Я думаю, что семья всегда будет иметь огромное значение, потому что в ней человек становится человеком, а без нее общество превращается в стадо. Это интереснейший и неисчерпаемый предмет для художественного исследования.

СКН: В фильме противопоставляется неизменная интеллигентность царя и нарастающее вокруг хамство...

Г.П.: Верно. В период революции, когда верх и низ меняются местами, хамство как бы впрыскивается в общество. Хорошие манеры становятся подозрительными...

СКН: Как это у Маяковского: «Чисто стрижен, гладко брит — омерзительнейший вид»?

Г.П.: Потом происходит облагораживание, хамы окультуриваются и перестают быть таковыми... но тут приходят новые хамы (смеется)...

СКН: Новые русские хамы?

Г.П.: А их сыновья уже в Англии учатся. Половина наркоманами становится, но кто-то выучивается и становится культурным человеком.

СКН: Сын царя в вашем фильме предчувствует трагическую участь семьи. Это чем-то подтверждается в реальности или это художественный прием?

Г.П.: Прием, который имеет основания. И императрица, и ее сын предощущали свою судьбу, а император ее знал. Есть письмо Павла I, которое он попросил вскрыть и прочел. Было пророчество в Саровской пустыни, после которого императрица была в страшном смятении. Были вещие сны, которые ее тревожили...

СКН: Мы с вами уже говорили в сопоставительном наклонении, и я позволю себе спросить — если бы Александру Федоровну сыграла Инна Чурикова, какая бы это была императрица?

Г.П.: Конечно, Инна могла бы ее сыграть, хотя природный характер, у нее иной, чем у царицы. Вероятно, Александра была бы более пронзительной и более сложной — индивидуальность позволяла и, главное, время позволило бы создать более глубокий образ. Ведь с Линдой у нас был дефицит времени, и она не достигла своего потолка. Она замечательная актриса.

СКН: Верно ли я слышал, что против Инны был продюсер?

Г.П.: Нет. Продюсер как раз понимал, что это был бы идеальный вариант. Это банку, где он брал кредит, внушили, что в этой роли обязательно должен быть западная звезда. Но с Мэрил Стрип не получилось — ей даже не дали прочесть сценарий.

СКН: Еще меня заинтересовал комиссар Яковлев, которого поразительно сыграл Игорь Скляр...

Г.П.: Это был весьма незаурядный человек, понимавший, что под его охраной — невинные люди. Он получил указание Свердлова привезти Семью в Москву и пытался, рискуя жизнью, это указание выполнить. Когда ему перекрыли прямую дорогу на Москву через Екатеринбург, он хотел рвануться в столицу по южной ветке, но перед тем позвонил Свердлову, который ему сказал, что надо подчиниться решению Уралсовета. Он ничего не мог поделать. Его даже хотели расстрелять, но Свердлов приказал его не трогать. Потом он получает назначение в Уфу, откуда за чем-то следует на Восток и там как бы переходит на сторону белых. Однако колчаковская контрразведка его расстреливает, о чем есть соответствующий документ. Тем не менее, он выныривает в Китае, строит КВЖД, пишет письма Сталину, где просит дать ему возможность вернуться в Москву, и пишет, что всегда был верным коммунистом. Ему разрешают, он приезжает, некоторое время живет в Москве, потом его берут и отправляют в лагерь, он

опять пишет письма, где говорит, что всю жизнь выполнял только волю партии. Его освобождают и делают начальником лагеря, потом снова сажают и расстреливают уже окончательно.

СКН: Еще один неожиданный персонаж — тот самый хам, который отказался участвовать в расстреле...

Г.П.: Документально известно, что отказавшихся было двое. Имена их не сохранились...

СКН: В этом-то какой промысел — чтобы остались имена палачей и стерлись имена тех, кто не стрелял?

Г.П.: Не знаю... Я взял одного из них и сделал его характерным российским анархическим типом, для которого жизнь — это воля выражать свои чувства в самой грубой форме. Он был разозлен тем, что в него пальнули из рогатки (а если бы в глаз?), возник конфликт, он нахамил, отшвырнул царевича, который заступился (Окончание на с.9)

ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ НИКОЛАЙ II МЕНЬШЕ ЛЮБИЛ СЕМЬЮ

(Окончание. Начало на с. 7)

за сестру, но когда его послали убивать, наотрез отказался стрелять в девиц и в мальчишку. Сперва судите, потом казните. В нем просыпается стихийный голос справедливости — и ничего ему не страшно...

СКН: А кто-то из убийц испытывал впоследствии хотя бы подобие угрызений?

Г.П.: Насколько я знаю, нет. Ермаков — тот просто ездил по комсомольским и пинерским собраниям с рассказами о том, как он расстрелял Николая. Это страшно. В Екатеринбурге есть старое кладбище, где похоро-

нен Бажов, и мама моя поблизости лежит... Там стоял бронзовый бюст Ермакова, но когда начались новые времена, его сначала облили краской, а потом и вовсе куда-то свезли, так что остался один пьедестал... А Никулин? Я слышал магнитозапись, где он, будучи уже очень пожилым человеком, вспоминает царевича — смысленный был такой малыш, шустрый... А потом рассказывает, как целился и стрелял в него — не убил сразу, и мальчика добил сам Юровский. Эта старая пленка на старом магнитофоне, спокойный голос старого человека, прожившего достойную жизнь... Непостижимо...

СКН: Есть ли еще исторический персонаж, о котором вы хотели бы снять фильм?

Г.П.: Нет. Я хочу снять картину о сегодняшней жизни. У меня уже и кураж появился.

СКН: Было бы интересно посмотреть. Вообще-то кинематограф, наоборот, любит «убежать» зрителя от действительности, например, в криминальный мир...

Г.П.: У меня это, кстати, выросло из сюжета, который не был связан с сегодняшним днем. Но я вдруг почувствовал желание перенести его в настоящее. Только не так, чтобы в каждом кадре стреляли...

Беседу вел Виктор МАТИЗЕН

СК Новости - 2000. — 25 авг. — с. 7, 9.